

А. В. ЧЕРЕПНИН

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ
1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Л. В. ЧЕРЕПНИН

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

КОММЕНТАРИИ
ПРИЛОЖЕНИЯ

ТОМ
1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 93/94(092)

ББК 63.3

Ч 46

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-01-00181

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 15-04-16149

Подготовил к печати: *В. Д. Назаров*

При участии: *Н. А. Горской*, *Т. Н. Лаптевой*, *А. Г. Цыпкиной*

Введения, комментарии, заключительная статья: *В. Д. Назаров*

Справочные приложения: *И. Г. Бебих*, *Р. И. Горячевой*, *В. Д. Назарова*

При участии: *И. А. Полосухиной*, *И. В. Прониной*

Ч 46 **Черепнин Л. В.**

Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения Т. 1 / Сост.,
общ. ред. В. Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. —
400 с.; вклейка после с. 112 и 240.

ISBN 978-5-94457-250-9

Публикуемые воспоминания академика Льва Владимировича Черепнина, историка с мировым именем, авторитетнейшего специалиста по средневековой Руси, охватывают почти столетия жизни страны и общества. Мемуары вместили в себя факты его биографии в потоке событий Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, периода НЭПа и первых сталинских репрессий, Великой Отечественной войны. На рубеже 1970-х гг. автор осмысливал как в его личных судьбах студента, аспиранта, заключенного, научного сотрудника, доцента преломились сложнейшие, порой трагические этапы становления советской исторической науки.

Издание снабжено комментариями, справочными разделами и статьей о творчестве Л. В. Черепнина.

УДК 93/94(092)
ББК 63.3

ISBN 978-5-94457-250-9

9 785944 572509 >

© Л. В. Черепнин, 2015
© В. Д. Назаров, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>В. Д. Назаров</i>)	5
ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН. МОЯ ЖИЗНЬ	11
КОММЕНТАРИИ	
Введение к комментариям (<i>В. Д. Назаров</i>).	179
Комментарии (<i>В. Д. Назаров</i>)	183
Из эпистолярного наследия Л. В. Черепнина (подгот. к печати <i>В. Д. Назаров</i>)	268
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Основные даты жизни, научного творчества и общественной деятельности акад. Л. В. Черепнина	273
Литература о жизни и трудах акад. Л. В. Черепнина	283
Хронологический указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	302
Именной указатель соавторов	338
Алфавитный указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	339
<i>В. Д. Назаров</i> . Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977). . .	357
Именной указатель	385

ВВЕДЕНИЕ

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ «МОЯ ЖИЗНЬ»

Публикуемые мемуары академика Л. В. Черепнина, историка с мировым именем, авторитетного специалиста по истории средневековой Руси, по российской историографии несомненно вызовут большой интерес. Будущих читателей ждет немало открытий и одно из главных — сам автор воспоминаний. Те, кто знаком с его исследовательскими работами, кто слушал его курсы лекций и доклады на конференциях, участвовал в научных заседаниях, которые вел Лев Владимирович, вряд ли могли представить маститого ученого в роли наблюдательного и тонкого рассказчика с несомненным литературным даром. Его память удержала сотни людей, почти неизмеримое число событий и фактов. Читая мемуары, погружаешься в реалии повседневной действительности Рязани, Ялты, Москвы, иных городов, усадеб и имений. Перед нами живые картины и личные истории очень многих российских ученых гуманитариев и интеллигентов (учителей, врачей, юристов, артистов). И всё это в последовательной череде пяти временных пластов: дореволюционные годы, эпоха революций и гражданской войны, надежды 1920-х гг., суровые 1930-е, Отечественная война и первое послевоенное время. Емко и как бы двусторонне глазами вступающего в историческую науку молодого человека и одного из ведущих исследователей начала 1970-х гг. показаны условия существования и процесс развития этой науки, порой в уродливых формах.

Но сначала о самой рукописи.

В настоящее время известны рукописный вариант воспоминаний «Моя жизнь» и машинописный вариант текста. Возникновение последнего датируется самым концом 1970-х гг. Тогда по желанию вдовы акад. Л. В. Черепнина, Е. В. Гальпериной, Н. А. Горская (в течение многих лет она работала в секторе Истории СССР периода феодализма, Института истории СССР АН, руководимом Л. В. Черепниным) взяла на себя труд по организации перепечатки. Машинопись (в 3-х экземплярах) была тогда же сверена с рукописью Н. А. Горской и В. Д. Назаровым. Один экземпляр машинописи хранился у Е. В. Гальпериной вплоть до ее смерти в 1992 г. Его современное местонахождение неизвестно, у единственной наследницы Е. В. Гальпериной, ее внучатой племянницы, его нет. Два других экземпляра находились в личном архиве Н. А. и А. Д. Горских, а ныне у их сына А. А. Горского. Один из них был временно

предоставлен Н. А. Горской В. Д. Назарову для осуществления возможного издания воспоминаний еще в середине 1990-х гг. К сожалению, по разным обстоятельствам план не был реализован. Сама рукопись хранится в личном фонде акад. Л. В. Черепнина в Архиве Российской академии наук (ф. 1791. Оп. 1, д. 213а).

Текст воспоминаний не был автором завершен, он им не был и датирован. Решающее значение для определения возможного времени написания мемуаров имеет манера работы акад. Л. В. Черепнина. В последний период творчества (середина 1960—1970-е гг.) он писал на школьных 12-ти страничных тетрадах в линейку, имеющих на оборотной стороне обложки дату выпуска. Как правило указывались год и квартал. Всего воспоминания написаны на 44 тетрадах со следующей датировкой: тетради № 1—14 датируются вторым кварталом 1970 г.; № 5 — четвертым кварталом 1969 г.; № 16—17 — первым кварталом 1970 г.; № 18 — третьим кварталом 1969 г.; № 19—34 — вторым кварталом 1970 г.; № 35 — первым кварталом 1970 г.; № 36 — третьим кварталом 1969 г.; № 37—39 — вторым кварталом 1970 г.; № 40—41 — третьим кварталом 1970 г.; № 42—43 — вторым кварталом 1970 г.; № 44 — первым кварталом 1971 г.

Итак, хронологический диапазон выпуска тетрадей таков: третий квартал 1969 г. (всего две тетради) — первый квартал 1971 г. (1 тетрадь). При этом тетради, выпущенные в 1969 г., можно считать в явном остатке, выражаясь в терминах датировки средневековых рукописей (их всего две) и полное преобладание тетрадей с выпуском во втором квартале 1970 г. — 35 из 44. Последовательность текста мемуаров позволяет уточнить время работы над ними акад. Л. В. Черепнина. Первая треть текста написана на тетрадах, выпущенных во 2-м квартале 1970 г. Далее текст воспоминаний продолжен на тетрадах с датами выпуска третий и четвертый квартал 1969 г. и первый квартал 1970 г. (№ 15—18), то есть на имевшемся у автора запасе бумаги. Отсюда мы делаем вывод, что к письменной фиксации мемуаров автор приступил во втором квартале 1970 г.

Последняя тетрадь датируется первым кварталом 1971 г., и это указывает на время, когда акад. Л. В. Черепнин прекратил или прервал, но более не возобновлял работу над воспоминаниями — первый или второй квартал 1971 г.

Сопоставление с рядом его статей, докладов и выступлений, когда мы знаем даты или достаточно точное время указанных событий, подтверждает правильность предложенной методики. Так, в архиве хранятся тексты доклада и подготовленной на его основе статьи Л. В. Черепнина «Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В. И. Ленина» (статья издана посмертно: *Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования*. М., 1981). Работы написаны в тетрадах, выпущенных в третьем квартале 1969 г., а всесоюзная конференция, где Л. В. Черепнин выступал с докладом, состоялась 24 декабря 1969 г.

Его доклад, посвященный 90-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова, зачитывался им осенью 1972 г., а его текст исполнен в тетрадах, выпущенных в первом квартале 1972 г. Доклад «К 100-летию со дня рождения Ю. В. Готье» написан в тетрадах с датой выпуска в четвертом квартале 1973 г. Он был произнесен на заседании

Ученого совета Института истории СССР АН СССР в декабре того же года. Текст статьи «Академик М. М. Богословский» зафиксирован в тетрадях, выпущенных в первом квартале 1973 г. и впервые был опубликован в 93 т. «Исторических записок» (вышел в свет в 1974 г.). Все названные выше тексты об ученых-историках были опубликованы впервые или переизданы в книге: *Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний.* М., 1984. При подготовке к печати этих работ нами и было определено время их написания, наличие в отдельных случаях двух-трех редакций авторского текста.

Датировка мемуаров акад. Л. В. Черепнина по внешним признакам тетрадей, в которых они зафиксированы, четко коррелирует с хронологическим указанием в тексте на события, синхронные или почти синхронные времени написания. Так автор говорит о «недавней смерти» двух коллег, с которыми его связывали долгие отношения: это проф. А. И. Неусихин (скончался 22 октября 1969 г.) и многолетний директор Центрального государственного архива древних актов В. Н. Шумилов (скончался 7 сентября 1970 г.). Лев Владимирович упоминает про 80-летний юбилей В. Инбер, а он случился 10 июля 1970 г. Наконец в самом конце воспоминаний он говорит о 25-летнем стаже работы в Институте истории Академии наук СССР. Штатным сотрудником Института он стал в июле 1946 г., так что заканчивал свои мемуары автор весной-летом 1971 г. Сопоставив эти хронологические подсказки с распределением тетрадей по тексту воспоминаний, мы получаем хорошо аргументированную датировку времени их создания. Начало работы относится к апрелю-июню 1970 г., а ее завершение пришлось на весну-лето 1971 г., притом вряд ли позднее июня-июля этого года.

Итак, мемуары были написаны за один год или за год и три-четыре месяца. Теперь вспомним, что за 1971—1974 гг. было опубликовано более 40 его работ, включая монографию, статьи, рецензии и более чем в 10 изданиях он же был ответственным редактором или членом редколлегии. Мы взяли такой интервал, потому что обычно выход в свет исследования происходил через один-три года после его написания. Трудно вообразить очень высокую меру интенсивности творческого труда Льва Владимировича в 1970—1971 гг. Еще сложнее понять, каким образом он нашел время для того, чтобы зафиксировать на бумаге факты своей биографии, письменно сохранить память о десятках и сотнях людей, с кем его сводили жизненные судьбы.

К сожалению, в архиве акад. Л. В. Черепнина нет документов или текстов, из которых можно было бы понять мотивы, подвигнувшие его на написание мемуаров. Точно так же мы не знаем, почему он прервал нить своего рассказа на середине — второй половине 1940-х гг. Конечно, отсылки к последующим временам, особенно к 1960-м гг., в воспоминаниях есть, без них просто нельзя было обойтись, излагая некую сумму биографических сведений о коллегах из 1930-х или 1940-х гг. Но заметим, что в тексте практически отсутствуют точные даты, редки указания на месяц события. Последовательность рассказа сохраняет в целом разбивку по годам, но она отнюдь не абсолютна. Из этого и притом сугубо предположительно можно сделать два вывода. Скорее всего, Лев Владимирович предполагал

рассказать о личном опыте становления историка-профессионала в предложенных 1920—1940-ми годами обстоятельствах. Точкой, когда процесс становления завершился, он посчитал защиту докторской диссертации в 1946 г.

Второе предположение связано с одним из направлений его исследований. С рубежа 1960—1970-х гг. в его разысканиях отчетливо различимы две ведущие темы. Это история сословного представительства и земских соборов в России XVI—XVII вв. (незадолго до смерти он завершил книгу об этом, вышедшую в свет уже после его кончины и повторно во втором томе нашего издания). Вторая тема — история нескольких поколений ученых московской школы В. О. Ключевского. Научная жизнь последней генерации прямых учеников знаменитого историка пришлось на 1920—1940-е гг. Задуманная книга должна была включать в том числе очерки творческих биографий если не всех, то по крайней мере большинства ученых этого поколения. Изданные в 1974 г. статьи об акад. М. М. Богословском и члене-корреспонденте АН СССР С. К. Богоявленском дают нам убедительное представление о том, как могли бы выглядеть эти биографические разделы в планируемой монографии*. Через своих учителей, чл.-корр. С. В. Бахрушина и чл.-корр. А. И. Яковлева, Л. В. Черепнин в истоках своего профессионального становления приходился, как другие студенты и аспиранты его круга в середине второй половины 1920-х гг., «меньшим» внуком Василия Осиповича Ключевского. Так что в занятиях Льва Владимировича в 1970—1971 гг. сложился, если угодно, гармоничный сплав историографических разысканий биографического характера о последних учениках Ключевского и автобиографического повествования и о его учителях, и коллегах по поколению. Причем хронологические границы рассказов в обоих случаях оказались очень близкими. Было ли это задумано им изначально, или же так сложилось в ходе работы над статьями и мемуарами, точно сказать нельзя. Думаем все же, что обращение к теме «Школа В. О. Ключевского» и биографический формат в ее разработке мог стать одним из побудительных мотивов к написанию текста «Моя жизнь». Повторимся, к сожалению, ни в мемуарах, ни в делах личного фонда Л. В. Черепнина нет никаких данных о его намерении продолжить работу над воспоминаниями.

Текст мемуаров Л. В. Черепнина «Моя жизнь» подготовил к печати В. Д. Назаров при участии на начальном этапе Н. А. Горской. Окончательную сверку рукописи с машинописным вариантом провели сотрудницы Архива Российской академии наук Т. Н. Лаптева и А. Г. Цыпкина. Описки автора в именах и фамилиях исправлены без специальных указаний в подстрочных примечаниях.

В. Д. Назаров

* Коллеги и ученики Льва Владимировича Черепнина в известной мере реализовали его замысел. Во втором томе его научного наследия (Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984) опубликованы его тексты о двадцати четырех российских и советских историках. Из изданных в томе работ восемь увидели свет впервые, как и две объемные рецензии на докторские диссертации по проблемам отечественной историографии.

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН.

МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания

Я давно уже собирался написать записки о своей жизни. Зачем? Не знаю. Вероятно, для того, чтобы еще раз пережить все прожитое. Но сесть и начать писать было трудно, и я все откладывал. Однако дальше уже откладывать нельзя, ибо не далек тот час, когда будет поздно. Надо садиться и пробовать.

Я родился 30 марта 1905 г. (по старому стилю) в Рязани, в доме моих бабушки и дедушки — Алексея Ивановича и Анны Николаевны Черепниных, находившемся на углу улиц Никольской и Семинарской (после Октябрьской революции они были переименованы в улицы Карла Маркса и Фридриха Энгельса). Я давно не был в Рязани, говорят, что она сильно изменилась. Но в моей памяти встает дореволюционная Рязань. Типичный губернский дворянско-купеческий город. Непролазная грязь, через которую приходится пробираться от вокзала к центральным улицам — Почтовой и Астраханской. В центре — каменные здания дворянского собрания, суда, банка, мужской гимназии, семинарии, епархиального училища. А в разные стороны от центра идут улочки, где разбросаны одноэтажные и двухэтажные деревянные домики с садами и огородами за заборами. Через заборы свешиваются гроздья рябины, бузины. Городской сад с дорожками и беседками; там по вечерам происходит гулянье, играет военный духовой оркестр. На горе расположился рязанский кремль; здесь находится архиерейский дом, где помещается музей. Над городом возвышается собор. Через город протекают две речушки (почти канавки) — Трубуж и Лыбедь. А за городом, за полосой зеленых лугов, мелькают водные просторы Оки. Старина, восходящая еще к средневековью, сочетается с чертами дворянско-купеческого быта предреволюционной России.

Но этот старый быт был уже обречен на слом. Надвинулась первая русская революция. Моя бабушка любила подчеркивать, что я родился в знаменательный 1905 год.

Я совсем не знал своего деда — Алексея Ивановича Черепнина¹. Он умер в год моего рождения, шестидесяти с лишним лет. Как мне рассказывали, после утреннего чая сел в кресло, чтобы прочитать газету, газета выпала из рук, и всё. Сейчас бы сказали, что умер от инфаркта. Я видел лишь его портрет: видный старик с длинной седой бородой и длинными седыми волосами (он носил парик). Это был весьма незаурядный человек. Бедный мещанин, исключенный из Сельскохозяйственной академии за участие в революционном движении, он так и не получил систематического образования, но многого достиг самоучкой. Женитьба на девушке из дворянской семьи, получившей в приданое не столь большой, но достаточный

для безбедного существования капитал, дала ему возможность заняться наукой. Он выбрал археологию, и особенно нумизматику. С его именем связан ряд раскопок в Рязани и ее окрестностях, он был членом (а одно время — председателем) Рязанской архивной ученой комиссии, печатал на страницах ее «Трудов» свои исследования. Археологи и нумизматы ценят исследования А. И. Черепнина, ссылаются на них. А. В. Арциховский² как-то специально говорил мне о работах моего деда, что они оставили след в науке.

Алексей Иванович редко выезжал из Рязани (разве на археологические съезды), но в его домике (на углу Никольской и Семинарской) часто бывали известные люди. Мой отец мне рассказывал, что когда он был еще мальчиком, то к Алексею Ивановичу приезжал из Москвы А. В. Орешников, заходил к Черепниным находившийся в Рязани в ссылке П. Н. Милуков³ (отец вспоминал, что он играл на скрипке), бывал В. Н. Сторожев⁴. Алексей Иванович явился первым учителем в области археологии для В. А. Городцова⁵. Он был офицером, его часть стояла в Рязани, он стал принимать участие в раскопках, производимых А. И. Черепниным, а впоследствии сам вырос в крупного археолога — главу целой школы.

Алексей Иванович сделал многое для создания рязанского исторического музея, где сейчас, как мне говорили, висит его портрет.

С бабушкой Анной Николаевной Черепниной прошло все мое детство. Говорят, что я был ее любимым внуком. Вероятно, это потому, что в год моего рождения умер дед, дети Алексея Ивановича и Анны Николаевны были уже взрослые, таким образом, семья распалась, и бабушка все свое внимание перенесла на меня. Бабушка была очень культурная, образованная женщина. Она хорошо знала иностранные языки, любила немецкую поэзию, наизусть по-немецки декламировала большие отрывки из Гёте и Гейне. Была она поклонницей Толстого и врагом всякого насилия. Умерла она уже в 20-х годах⁶.

У Алексея Ивановича и Анны Николаевны было шесть человек детей (да двое, говорят, умерли еще в раннем детстве). Семья была патриархальная, спуску детям не давали, бывало, что применялись и меры физического воздействия. В то же время на молодом поколении благотворно отражалась культурная обстановка семьи. Моего отца Алексей Иванович брал с собой на раскопки. У отца долго хранилась одна печатная работа Алексея Ивановича с надписью «моему помощнику» (а помощник был еще мальчиком). На раскопках мальчик встречался с членами Рязанской ученой архивной комиссии — А. Д. Повалишиным, С. Д. Яхонтовым⁷ — людьми содержательными, интересными, и общение с ними помогало его культурному росту. Интересы деда передались его сыну — моему отцу, и он избрал ту же научную профессию. По окончании Рязанской гимназии Владимир Алексеевич⁸ прослушал курсы и получил дипломы трех высших учебных заведений: юридического факультета Петербургского университета, историко-филологического факультета Московского университета и Московского археологического института. Но судьба его сложилась так, что большую часть жизни пришлось работать не по специальности (об этом после).

Владимир был средним сыном Алексея Ивановича. Было еще два сына — старший Павел, младший Александр. Павел был человеком весьма одаренным, при этом очень интересным внешне (он напоминал Николая I), но в жизни неудачником. У него были незаурядные способности к музыке, он очень неплохо играл на рояле и сам сочинял, но систематически не учился, и музыканта из него не вышло. Его иногда путают с композитором Н. Н. Черепниным, но это недоразумение. Тот Черепнин — просто наш однофамилец. Увлекался Павел и сельским хозяйством, разводил каких-то кур и посылал их в Москву на выставку в Манеже. Я помню, как меня еще мальчишкой водили на подобную выставку, где дядя Паша получил какой-то приз. Всю свою жизнь Павел Алексеевич не имел своего дома, постоянного места жительства, и кочевал по всей стране. В молодости он пытался создать семью и женился на купеческой дочке, очень богатой и очень красивой, которая родила ему девочку, впоследствии тоже ставшую красавицей. Но семейная жизнь не была уделом Павла Алексеевича. К его чести, не удержали его и женины капиталы. Он бросил жену, совсем еще крошку дочь и повел жизнь скитальца. Умер он в 30-х годах в Москве, в чужой квартире, где снимал койку.

Александр Алексеевич не был так даровит, как Павел, но и это был человек незаурядный. Он обладал художественным вкусом, любил литературу, живопись, музыку, следил за всем, что было нового в этой области. Он собрал библиотеку, небольшую, но продуманную. Он поступил на юридический факультет, но не закончил его, был призван на военную службу, участвовал в русско-германской войне, после Октябрьской революции ряд лет служил в частях Красной армии, а выйдя в отставку, работал финансовым инспектором. Хотя и был женат, но семьи не получилось, во многом помешало этому излишние увлечения женщинами.

Из трех дочерей Алексея Ивановича младшая, Ольга Алексеевна (ее называли «Гуля»), умерла в ранней юности от неудачной операции. Старшая, Екатерина Алексеевна, совсем молодой вышла замуж за пожилого уже генерала Николая Николаевича Бернацкого⁹ и жила с ним в Вильно, где он был председателем военного суда. Волевая и властная, она держала мужа под своим каблучком. Жили они широко, в средствах не нуждались. Дом их был открыт для гостей. Когда началась первая мировая война, генерал уехал на фронт, а после революции оказался за пределами родины, в Польше. Екатерина Алексеевна с двумя дочерьми перебралась в Рязань, затем в Москву. Положение семьи резко изменилось, жить стало труднее. Екатерина Алексеевна вышла вторично замуж за добрейшего и преданнейшего ей человека Павла Павловича Карякина, военного медика. С его помощью она воспитала детей и внуков и дожила до старости.

Средняя дочь Алексея Ивановича, Евгения Алексеевна, вышла замуж за инженера Федора Константиновича Рындина. Знаменитый театральный художник Вадим Федорович Рындин¹⁰ — ее сын. Евгении Алексеевне пришлось перенести большую жизненную драму. Была она толстовкой, отрицательно относилась к православной церкви. Но случилось так, что ее оставил муж, ушел к другой женщине. Она осталась с маленькими детьми, растерялась, тяжело переживала обрушившееся на нее

горе, писала Толстому, спрашивала его, как быть. Через некоторое время муж вернулся к Евгении Алексеевне, она приняла его и прожила с ним до его смерти, но духовный надрыв остался. И резко изменилась психология. Она стала верующей православной христианкой, ищущей в молитве душевного покоя.

Я совсем почти не знаю родственников по матери, Юлии Ивановне Смирновой. Была она дочерью священника Ивана Ксенофонтовича Смирнова, постригшегося после смерти своей жены в монахи и впоследствии ставшего архиепископом рижским¹¹. Я видел его всего раз в жизни, в 1917 г. в Москве, куда он приезжал для выбора патриарха. Он захотел на меня посмотреть, и отец возил меня к нему, предупредив, что я должен поцеловать руку дедушки и попросить у него благословения. В моей памяти остался маленький седой старичок. Он угощал меня чаем, сладостями, расспрашивал об ученье, подарил на прощанье евангелие.

Мать свою я не помню, она умерла, когда мне было всего несколько месяцев. Я видел ее портрет. Задумчивое, проникновенное, немного грустное и бесконечно милое лицо. Одеята она в скромное темного цвета платье, с закрытой шеей и длинными рукавами. Воплощение строгости и чистоты.

Любовь у моих отца и матери началась еще в гимназические годы. Тетка Екатерина рассказывала мне, как Владимир Алексеевич пришел однажды к моему дедушке и сказал, что хочет жениться на Юле. На это последовал спокойный, но твердый ответ: «Что ты, Володюшка, или сон дурной видел? Поди проспись». Алексей Иванович никогда ничего не говорил дважды, поэтому говорить дальше было бесполезно. Попробовал Владимир Алексеевич найти поддержку у Ивана Ксенофонтовича, но тоже безуспешно. Пришлось ждать. Но любовь не прошла и когда он стал студентом, а она — курсисткой. Научные интересы у них были разные. У него была склонность к гуманитарным наукам, она училась на естественно-историческом факультете. Сближали идеалы, которыми жило тогда демократическое студенчество. Отец был причастен к студенческому революционному || (тетр. № 2) движению. Недавно М. А. Алпатов¹² и Н. С. Трусова показывали мне попавшие в их руки архивные документы об аресте Владимира Черепнина, о полицейском за ним наблюдении. Девушки-курсистки сочувствовали этому движению.

Брак Владимира Алексеевича и Юлии Ивановны был счастливым, но недолгим. Отец мой тяжело переживал смерть моей матери. Он пытался кончить жизнь самоубийством, стрелял в себя и повредил легкое. Затем он, желая рассеяться, уехал в Манчжурию, где вел какую-то работу вместе с инженером и в то же время известным писателем Н. Г. Гариным-Михайловским. О последнем отец сохранил самые теплые воспоминания, как о человеке очень интересном и хорошем.

Мое раннее детство прошло без матери и отца. Я остался на попечении бабушки, по желанию которой как будто меня и назвали Львом, по имени почитаемого ею великого русского писателя. Была при мне и няня Фекла Ивановна, вынянчавшая еще мою мать, ее братьев и сестер. Обе эти женщины любили меня и баловали. Да и все кругом меня ласкали, жалели, баловали, говорили, что я «сирота». Этот эпитет крепко пристал ко мне, и я, не понимая еще толком его смысла, научился

извлекать из него пользу. Рос я мальчишкой толстым, упрямым, требовательным. Кругом было женское общество. Мужской руки явно не хватало. Чтобы я рос «здоровеньким», пичкали меня всем, чем только можно. Молоком напаивали так, что я получил на всю жизнь к нему отвращение. Няня заботилась о моем религиозном воспитании. На кровати у меня висел деревянный образок, перед которым я утром и вечером должен был молиться. Каждый раз, по указанию няни, я «поминал» умерших своих близких, говоря одни и те же слова: «Помяни, господи, дедушку Алексея, бабушку Клашу (бабушку по матери), маму Юлю». Затем к этим покойникам прибавилась еще «тетя Гуля». Средства умственного воспитания были обычные: кубики с рисунками, из которых складывались фигуры, книжки с картинками, игры, развивающие сообразительность и смекалку. Няня рассказывала мне волшебные сказки, бабушка читала доступные стишки.

Примерно трех лет от роду я вместе с бабушкой и няней переехал в Вильно к своей тетке Екатерине Алексеевне Бернацкой. Не знаю, чем это было вызвано. Вероятно, тем, что бабушке одной было со мной трудно, а отец доучивался, быт его был неустроен, взять меня к себе* он не мог. Бернацкие жили в Вильно на Закретной улице. Мне запомнилась шести или семикомнатная квартира в доме с палисадником. На углу Закретной была церковь и большое кладбище. Когда я бывал там в детстве, меня всегда поражало обилие и разнообразие мрачных памятников и искусственных венков под стеклом. Очевидно, под впечатлением этих загробных реликвий я очень рано начал думать о смерти, и думать со страхом. Иногда проснешься ночью, явится мысль, что когда-нибудь умрешь, и станет страшно до холодного пота. Няня утешает тем, что «хорошим мальчикам» и на «том свете» будет хорошо.

Лет десять тому назад я еще раз побывал в Вильно, где не был примерно сорок лет. Захотел взглянуть на Закретную улицу. Узнал, что она теперь называется улицей Чюрлёниса¹³ (литовского художника). Был сильнейший мороз, но я все же пошел и нашел ее. Все оказалось так, как я запомнил: и дом с палисадником, и церковь, и кладбище. И даже мироощущение детских лет как бы вернулось.

У моей тетки Екатерины Алексеевны («тети Кати») было две дочери: Ольга и Татьяна. Между ними была большая разница в годах. Старшая кончала уже институт, младшая была на год старше меня. Ольга (Лёля) родилась тогда, когда мать ее сама была еще совсем юной, и поэтому ей уделялось мало внимания. Таня появилась на свет, когда тетя Катя успела уже пожить и повзрослеть, и поэтому отдала ребенку все свои душевные силы, дрожала за ее здоровье, накачивала всякими лекарствами, зацеловывала. Мои детские годы в Вильно прошли рука об руку с Таней. Мы вместе играли, читали книжки (я не помню, кто научил меня читать), рисовали. Лёля, уже девушка, а не девочка, смотрела на нас, как на игрушку, наряжала и заставляла танцевать под аккомпанемент рояля, говорить стихи. Помню, что в тот день, когда Лёля держала выпускные экзамены в институте, тетя Катя

* В рукописи описка: «взять себя ко мне».

привела меня с Таней в гостиную, поставила на колени перед большим висевшим там образом и заставила молиться о благополучном исходе лелиных экзаменов («детская молитва доходчива»). Мы выполнили этот наказ своеобразно, мы просили: «Сделай, господи, так, чтобы наша Лёля получила пятерку, а другая Лёля (подруга нашей, которую мы не любили) — двойку».

Лёля выдержала экзамены и окончила институт. Молодая девушка пользовалась успехом. У нее было много поклонников, преимущественно военных, ибо к военной среде принадлежал ее отец. Скоро ей пришлось пережить большую драму. В семействе Бернацких появился молодой офицер, дальний их родственник, племянник Алексея Ивановича Черепнина, сын его брата Евгения Ивановича. У него начался роман с Лёлей, а затем он внезапно застрелился. Объясняли это по-разному: то ли любимая отвергла, то ли проигрался в карты, и офицерская честь заставила уйти из жизни. На Лёлю этот случай подействовал сильно. Она долго переживала.

Мне трудно сейчас сказать, какое влияние на меня оказал образ жизни Бернацких. Я был еще слишком мал в то время. Но думаю, что находясь в семье обеспеченной, вращаясь преимущественно в женском окружении, где меня ласкали и баловали, я становился ребенком излишне изнеженным. Побаивался я одного генерала, меня пугали его николаевские усы, его грубый и поэтому несколько необычный в семье голос. Но он редко бывал в кругу семьи. То в командировке, то на службе, а если дома, то больше отдыхал.

В оппозиции к дому Бернацких находилась бабушка Анна Николаевна. Она терпеть не могла генерала, ей казалось, что в генеральском доме ее третируют, что живут здесь чересчур легко, по-светски. А, может быть, не казалось, а так было на самом деле. Она старалась пореже показываться на глаза своему зятю и дочери, большую часть времени проводила в той комнате, где жила вместе со мной и с няней.

Но хотя я жил в семье обеспеченной, во время прогулок с бабушкой или няней мне приходилось видеть картины ужасающей нищеты. Особенно запомнились еврейские кварталы. Оборванные женщины со спутавшимися грязными волосами, полуголые дети, грязь, теснота. Был один горбатый ремесленник, больной и уродливый. Он умер. И вот, проходя мимо его лачуги, мы увидели его тело, лежащее на полу, а у дверей толпа народа. Мне долго снилась эта картина. Преследовал меня и другой образ: глухонемой старухи-нищей с помутившимся взглядом, пытавшейся что-то сказать и только рычавшей. Особенно пугало, что по словам няни, такие старухи уводят с собой «непослушных мальчиков».

Когда я жил в Вильно, к Бернацким пришло известие, что отец мой женится вторично на студентке-медичке Марии Иосифовне Идельсон, еврейке по национальности, и что она приедет в Вильно познакомиться со мной, бабушкой, теткой. Известие это встретило у всех явное неодобрение, если не сказать враждебное отношение. Два недостатка видели в этом браке. Во-первых, она еврейка. На этом сходились и генеральша, верная православию, тетя Катя, и толстовка,

в общем равнодушная к вопросам религии, бабушка. Во-вторых, не могли простить человеку, которого еще не видели ни разу в глаза, то, что она будет Левиной мачехой. Долго обсуждался вопрос, где же поместить Марусю. Лёля, например, заявила, что она не хочет спать с «жидовкой». Но в конце концов все вопросы были улажены. Взяло верх не столько благоразумие, сколько природное добродушие и гостеприимство. Меня же как-то не пугали разговоры о злой мачехе, и я с нетерпением ждал, когда же увижу новую маму.

Для того, чтобы выйти замуж за отца, Мария Иосифовна¹⁴ должна была перейти в христианство (лютеранство). Я не помню, когда совершился этот акт: до приезда в Вильно, или там. Во всяком случае она приехала как новая родственница. Вряд ли недружелюбие к ней рассеялось. Ее последующие отношения и с Анной Николаевной и с Екатериной Алексеевной были далеко не родственными. Мне же Мария Иосифовна внушила сразу симпатию, которая сохранилась до ее смерти, несмотря на многие происходившие между нами трения.

Высокая, стройная, спокойная, с длинными косами, уложенными на голове, она возбуждала доверие и уважение. Ко мне отнеслась ласково. В моей памяти сохранился один вечер, когда она сидела у окна, взяв меня на колени и рассказывала о звездах, которые ярко сияли на небе. Я знаю, что Марии Иосифовне многое не понравилось в доме Бернацких, не понравилось и мое воспитание. Говорила ли она об этом прямо или нет — не знаю. Но почувствовать, вероятно, дала.

Отец стал строить новую семью. В 1909 г. у меня появилась сестренка Таня. Мария Иосифовна говорила мне, что так ее называли, чтобы мне было легче ее полюбить, т. к. все детство мое прошло рядом с Таней (двоюродной сестрой). «А когда ты будешь большой, — говорила мама (так я звал Марию Иосифовну), — станешь студентом, мы будем отмечать Татьянин день и как день Таниных именин, и как студенческий праздник, у нас будут собираться Танины подруги и твои товарищи».

Пока Таня жила у родителей Марии Иосифовны, своих бабушки и дедушки, в Рязани. А отец с мамой стали обосновываться в Москве¹⁵, куда решено было взять и меня. Мне было тогда лет шесть-семь. С няней мне пришлось расстаться. Она перешла в семью сестры моей покойной матери Юлии Ивановны, где выходила еще одного отпрыска смирновского рода. Бабушка Анна Николаевна переехала со мной в Москву, но прожила с нами недолго. Мария Иосифовна с ней не ладила, и нелады все время усиливались. Причиной их в значительной мере был я. Бабушка сосредоточила на мне свою любовь и не могла простить отцу, что он привел в дом мачеху. Маме не нравилось, что я слишком привязан к бабушке, не нравилось воспитание бабушки и казалось, что та настраивает меня против нее. Кончилось тем, что бабушка окончательно разорвала с моим отцом и мамой и уехала в Рязань, где поселилась в доме своей приятельницы, весьма колоритной женщины, Варвары Михайловны Латышевой (о ней потом).

В Москве мы жили на Арбате, вначале в маленькой четырехкомнатной квартире в Большом Афанасьевском переулке, затем — тоже в четырехкомнатной, но

чуть побольше квартире в Староконюшенном переулке. Когда родители несколько поустроились в Москве, туда перевезли и Таню. Жили мы очень скромно, но не бедно. Обслуживала нас кухарка Феклуша, старушка и ворчливая и смешливая одновременно. Сейчас как-то странно, что старого человека звали не по имени и отчеству, а — Феклуша. Но тогда это странным не казалось. У сестры Тани была бонна Варвара Алексеевна Лебедева — человек редкой, изумительной души.

Отец служил в Румянцевском музее, работал в одном из библиотечных отделов. Кроме того, он преподавал латынь в частной гимназии Репман¹⁶, а затем был директором этой гимназии. Имел он и частную службу у просвещенного буржуа Александра Ивановича Кузнецова. Тот собирал старину, картины, фарфор, книги, отец помогал ему в приобретении и разборе коллекций. Отец того времени вспоминается мне как человек очень собранный, подтянутый, хоро || (тетр. № 3) шо одетый, в черной пиджачной тройке (а когда требовал этикет — в сюртуке или во фраке), в белой крахмальной рубашке с галстуком. Он следил за собой. Те, кто его знал, находили, что он интересный собеседник. Он был человеком передовых взглядов, и хотя не принадлежал ни к какой политической партии, заявлял себя противником социальной эксплуатации и расовой дискриминации, врагом насилия, критиковал правительство, любил говорить о свободе и правосудии. К религии он относился безразлично, и икон у нас в доме не было. Словом, это был типичный интеллигент, интеллигент хорошего толка, смолоду отдавший небольшую дань революционному движению, а затем отошедший от него, но сохранивший демократическое настроение. Человек честной мысли, но отнюдь не боец.

Со мной отец не был строг, наказывал редко (наказание заключалось в том, что меня сажали на какой-то срок на стул, одного в комнате). Но я его побаивался. На ласки он был скуп, и оставалась между нами известная отчужденность.

Мама, Мария Иосифовна, заканчивала медицинские курсы, а окончив их, стала работать в Солдатенковской больнице (впоследствии переименованной в больницу имени Боткина). Мои отношения с ней были очень неровные. Я любил ее и к ней тянулся, и в то же время мне казалось, что она неровно относится ко мне и к Тане, что Тане позволяет то, что не позволено мне, что я пасынок в семье. Думаю, что здесь было много излишней мнительности, что сознательно разницы между мной и сестрой мама не делала. Ко мне она относилась хорошо, даже любила, и тогда и в дальнейшем много мне сделала доброго. Но с другой стороны, естественно, что при всей справедливости и беспристрастии, свой ребенок был ближе чужого, и это иногда не могло не проявиться. Хорошим нашим отношениям с мамой очень мешали окружающие, особенно папина родня, повышенной заботливостью и лаской ко мне старавшиеся подчеркнуть мое якобы неполноправное положение в доме. А я был мальчишка обидчивый, самолюбивый, занозистый; когда мне казалось, что ко мне несправедливы, начинал дерзить, грубить. Конечно, это вызывало реакцию со стороны мамы. Она сердилась, нервничала, у нее появлялось ко мне недоброжелательство. Иногда мы оба доходили до слез. Интересно, что на моей стороне обычно оказывалась Феклуша. Я помню такой случай. Вернулся

я как-то часов в одиннадцать вечера из гимназии, где давался любительский спектакль. Дело было на масленицу, я знал, что дома к обеду пекли блины и попросил разогреть мне их на ужин. Не знаю уж из каких соображений, медицинско-профилактических или в целях соблюдения правил внутреннего домашнего распорядка, мама запретила это делать. Отца дома не было. Пользуясь этим, я заявил протест, стал хныкать. Вмешалась Феклуша и бросила реплику: «Своей (т. е. Тане) готовы без конца пихать, а сироту обижают». Мама естественно вспыхнула. Произошла некрасивая сцена.

Добрый гением дома была Варвара Алексеевна, Танина бонна, приехавшая из Рязани. Судьба ее сложилась очень несчастливо. Ее муж сошел с ума, маленькая дочь умерла. Придя к нам в дом, она всю душу отдала Тане и мне (даже не знаю, кого она любила больше). Со стыдом вспоминаю сейчас, как часто я был в отношении нее неблагодарным, как позволял себе всякие фокусы и причуды. Жалование Варвара Алексеевна получала небольшое, а у нее была сестра, тоже бедная и многодетная. Варвара Алексеевна пересылала ей в Рязань почти весь заработок и помогла поднять и воспитать всех детей. Про таких людей когда-то говорили: «святой человек».

Сестра моя Таня была ребенком болезненным, плаксивым, капризным. Меня она любила, ласлилась ко мне. Я к ней относился по-мальчишески: девчонка, плакса. А в общем и я ее любил. И в дальнейшем мы сохраняли друг к другу хорошие чувства, без внешних сантиментальных их проявлений.

В то время и отец, и мама были людьми общительными. В доме у нас бывал народ. Близким приятелем отца являлся Моисей Абрамович Неусыхин, врач-психиатр, маленький, кругленький, лысенький, любил петь романсы под аккомпанемент рояля. Помню, как они дуэтом пели с отцом модный тогда романс «Ямщик, не гони лошадей». Моисей Абрамович не выговаривал букву «щ», и у него получалось «ямсик». В приятельских отношениях находился отец с присяжным поверенным Виктором Сергеевичем Нагаевым. Высокий, очень красивый мужчина, шумный, любивший компанию, разгул, застолье. Страсть к вину в конце концов сгубила его, и он совершенно утратил свою прежнюю привлекательность. Знаком был отец с другим присяжным поверенным, Борисом Михайловичем Саблиным, братом книгоиздателя. Захаживал к нам Ярцев, букинист-книгоноша, занимавшийся разноской и продажей редких книг. Со службы в Румянцевском музее началось знакомство отца с Алексеем Ивановичем Яковлевым¹⁷ и Юрием Владимировичем Готье¹⁸, которые впоследствии во многом помогли мне стать историком. Среди приятелей отца были и большевики (учитель Николай Николаевич Кашкаров, присяжный поверенный Востоков), и эсеры, и люди, не принадлежавшие ни к каким политическим партиям. У нас в доме считалось, что всякую оппозицию правительственным порядкам надо поддержать, всем, кто от этих порядков страдает — помочь.

Вспоминаю некоторых подруг матери. Одну из них звали Елена Алексеевна (фамилии не помню). Такая миловидная полненькая шатенка, училась вместе

с мамой на медицинских курсах. Феклуша пробовала на ней свою любимую тему о мачехе. «Вот, Левушка, — говорила она, — Мария Иосифовна умрет, папа женится на Елене Алексеевне, и будет у тебя еще одна мачеха». Другая приятельница мамы, тоже медичка, Лидия Ивановна, была замужем за Василием Ивановичем Пришлецовым, научным работником в области астрономии, впоследствии профессором Московского университета. Близка к нашей семье была Нина Акимовна Ставрович¹⁹, учительница, большевичка. После Октябрьской революции она вела большую работу в области народного просвещения, а ее муж, тоже большевик, был дипломатом. В годы нарушений законности Нина Акимовна была выслана из Москвы и погибла где-то на севере. Хорошо мне запомнились ее слова, сказанные как-то маме уже в конце 30-х годов, после известных политических процессов: «Я, Маруся, перестала понимать современность и боюсь ее».

Из родственников с папиной стороны мы чаще всего встречались с Рындиными. В разное время они жили в разных местах Москвы, но мне особенно запомнилась их квартира в теперь уже несуществующем доме на Волхонке. С балкона открывался вид на храм Христа Спасителя и памятник Александру III, теперь тоже уже снесенные. В моей памяти встает колоритная фигура главы семьи Федора Константиновича, с козлиной бородкой, с небольшим брюшком, с пенсне на носу. Эсер по убеждению, немножко позер, немножко краснойбай, любил, чтобы его слушали и чтобы ему поддакивали. Держит собеседника за петлицу или полу пиджака и перемежает свою речь словами: «Так или нет». Детям, по мнению Федора Константиновича, должна быть предоставлена свобода в выявлении их наклонностей и поведении. С родителями пусть они будут на короткую ногу. Поэтому от своих детей он требовал, чтобы называли его не «папа», а «Федя». Супруга Феди Евгения Алексеевна, когда-то видевшая в нем мужской идеал, за годы совместной жизни хорошо изучила его слабости и не пытаясь его перевоспитать, втихомолку и незаметно поставила дом и семью на свой лад. Если для детей он был «Федя», то она «мама», и он, и дети слушались ее и поступали так, как она хотела.

Детей было двое: дочь Екатерина — Катя и сын Вадим — Вадя. Между нами не было ничего общего. Катя — это девочка-отличница. В гимназии Хвостовых, где она училась, была первой ученицей. Но брала прилежанием и прекрасной памятью. Никаких особых талантов и склонностей у нее не имелось. Отличалась Катя фанатичной религиозностью, приверженностью к обрядам. Образки, церковные службы, праздники, священники, монашенки — вот круг ее потребностей и интересов.

Вадя — полная противоположность сестре. Живой, быстро реагирующий на все окружающее мальчик, с разносторонними запросами, впечатлительный и восприимчивый, жадно впитывающий в себя то, что давали ему природа, люди, книги. Он был ребенком болезненным (или родителям казалось, что он такой), поэтому в гимназию его не отдали, к нему ходили учителя домой. Учился он неровно. Очень рано проявились у него незаурядные способности к рисованию. Из наук естественные предпочитал гуманитарным. Из летних поездок в деревню или на юг

к морю всегда возвращался с гербариями, коллекциями бабочек, засушенными крабами, заспиртованными ящерицами, редкими минералами и т. д. Если Катина комната была вся завешана образами и лампадками, то Вадика представляла собой музей. Родители собрали для него библиотеку, где имелось много иллюстрированных изданий по природоведению и по искусству. Да и во всех комнатах рындинской квартиры можно было видеть множество тропических растений, пальм, кактусов, в аквариумах плескались разнообразные рыбы (помню громадного сома).

Рано в мальчике зародилась страсть к театру. Он не раз устраивал домашние представления, или показывая кукольный театр, или привлекая живых актеров — знакомых детей. Сам мастерил костюмы, делал декорации. Но, конечно, тогда никто не думал, что это первые опыты будущего первоклассного театрального художника, постановки которого теперь покорили весь мир.

Вадя был на три года старше меня. Мы очень дружили, причем для меня он являлся идеалом, я старался ему подражать. Мы часто ходили друг к другу, бегали и играли вокруг памятника Александру III. Любимой домашней игрой было путешествие. Устраивалась из стульев, пледов, одеял, кресел повозка или купе вагона, мы садились туда и начинали фантазировать: куда, в какие страны, города мы едем, Вадя проявлял при этом весьма солидные познания в географии. Я всегда также был участником Вадиных театральных выдумок.

Из родственников Марии Иосифовны в Москве жили две ее сестры: Елена и Анна Иосифовна. Анна — оперная певица, красивая, видная, цветущая женщина, с великолепным цветом лица и чудесными толстыми, уложенными на голове косами с оттенком спелой ржи. Муж ее, инженер и владелец небольшой фабрики в Гуляй-поле, Александр Исаевич Кернер, симпатичный брюнет с привлекательными чертами лица, был влюблен в свою жену²⁰. У них родилась хорошенькая дочка Елена (Люся). Но семейная жизнь не была уделом Анны. И внешность, и характер, и среда, и успех на сцене обеспечили ей ряд поклонников. Она извела не один роман. Некоторое время была близка с Ф. И. Шаляпиным, с которым работала в Большом театре. С мужем она не порывала, но семьи не существовало. Анна Иосифовна бывала у нас, и мы — у нее, но особенной родственной близости у нас не было.

В более близких отношениях находилась Мария Иосифовна с другой сестрой — Еленой Иосифовной Шibaевой²¹. Это была миловидная женщина, с мягкими чертами лица и манерами, скромно, но со вкусом одетая и причесанная. От нее веяло интеллигентностью и умом. Замужество принесло ей полную обеспеченность. Она не работала, но вела жизнь, в которой большое место отводилось удовлетворению культурных запросов. Она неплохо играла на рояле и училась дальше. Изучала иностранные языки, приглашая к себе в качестве домашних учителей иностранок. Месяцами у нее жили то француженка, то англичанка. Елена Иосифовна много читала, посещала музеи, картинные галереи, || (тетр. № 4) путешествовала за границу. Своему сыну, красивому, умному мальчику Вадиму она старалась дать самое лучшее образование.

Лев Владимирович Черепнин

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

Комментарии
Приложения

Корректор О. Неклюдова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 27.11.2015. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 32,25. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 8-495-959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)